

Александр Елизарэ

**Комиссар Борзан. Дело № 1.
Убийство в Имеретинской бухте**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Е51

Елизарэ А.

Комиссар Борзан. Дело № 1. Убийство в Имеретинской бухте /
Елизарэ А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 236 с.

ISBN 978-5-532-93242-5

Вчера он был никем, завтра ему поручат невероятно опасные и запутанные дела. Комиссар Борзан - одиночка на грани провала. Детектив с непредсказуемым характером, харизмой психопата и невероятными полномочиями. Анти-шпионаж, драки и мордобой, это тоже к нему. Кто убил опасного преступника на морском берегу пять лет назад? Борзан начинает личное расследование. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Глава I. Серж и Томас	7
Глава II. Личное дело № 0019–К	17
Глава III. Странная навязчивость	25
Глава IV. Практический допрос	33
Глава V. Вечерний капитан	46
Глава VI. Сарацин	53
Глава VII. Томас лжет	65
Глава VIII. Лягушачий рай	72
Глава IX. Тихая соловьиная ночь	79
Глава X. Человек из Парижа	86
Глава XI. Месяц назад	99
Глава XII. Маргарита Клевер	102
Глава XIII. Нескучная Москва	107
Глава XIV. Жесть и ужас	114
Глава XV. Секретная информация	126
Глава XVI. Сарацин разбушевался	129
Глава XVII. Кролик и удав	145
Глава XVIII. Кровавые слюни	163
Глава XIX. Крайний ужас	172
Глава XX. Томас нетерпелив	184
Глава XXI. Самая короткая инструкция	202
Глава XXII. Черное море	204
Глава XXIII. Мухтар – Мухтабар	217

Глава XXIV. Спокойное море	224
Глава XXV. Разбор полетов	227
Эпилог	235

От автора

Борзан – это сконцентрированный самой жизнью образ героя нашего времени. Человека, возвращенного на социалистической закуске, но растоптанного системой буржуазной морали отсталой российской псевдодемократии наших дней. Капитан милиции Борзунов прожил полвека и вдруг понял, что он оказался за бортом действительности. Вне успеха, процветания, карьеры. Все, чему его учили, чему он был предан, к чему стремился, исчезло и растворилось навсегда, превратилось в тлен. Старые законы уже не действуют, но действует новый принцип беззакония: «Кто сильнее и наглее, тот хватает лакомый кусок общего пирога и делает ноги». Ему непонятны законы хищнического, либерального рынка, замешанного и возвращенного криминалом.

Решая все вопросы старыми методами, Борзан становится, по сути, и фактически, маргиналом, человеком, не вписывающимся в новый пасьянс силовой структуры. Личная игра против воровской системы начинает утомлять его. Капитан Борзунов решает отойти от дел, доживать свой век тихо и незаметно, словно садовая мышь под старым обветшалым домом.

Но, однажды, уже майор полиции получает шанс начать все сначала. Могущественный покровитель, полномочия комиссара по особо опасным делам, анти-шпионаж и контрразведка – все то, о чем мечтал Александр Борзунов в юности и видел в своих кошмарных снах, начинает сбываться, раскручиваться с невероятной скоростью. Моховик абсурдных, на первый взгляд, заданий получает мощный энергетический импульс. Это уже не приключение, но свободное движение по лезвию опасной бритвы. Комиссар Борзан оказывается в эпицентре загадочных и необъяснимых заговоров и жестоких преступлений. Головоломки рождаются, рассыпаются, и возникают вновь, как монстры фантазии. Иногда ему кажется, что это всего лишь сон, и он продлится вечность...

Автор романа уже создал по зарисовкам и сценарным наброскам три художественных фильма, посвященных приключениям комиссара Борзана.

– Дядюшка Джек, перед тем, как нам отправиться в опасное путешествие, я хотел бы узнать ваше мнение о том, где может скрываться дьявол?..

– Чаще всего, дорогой Вильям, дьявол прячется за благодеяниями и красивыми речами достойных людей. А вот дерзость и бесшабашность простолудинов, напротив, являются признаками истинной чести.

– Но, если этого будет мало, дорогой наставник?.. Мало, чтобы обнаружить зло?..

– В этом случае, мы попытаемся выковырять черта из его табакерки.

– А вдруг он опередит нас?..

– Вильям, мой дорогой юноша, тогда мы попадем в рай, но и дьявол отправится по месту своей постоянной прописки... Или ты немного боишься?..

– Нет, это не про меня, дядюшка...

Глава I. Серж и Томас

Тихий городок в Подмосковье. Июнь 2011 года. Некто Серж, называющий себя свободным художником – «Красное ухо», сидел за этюдником на пленэре на берегу канала имени Москвы. Никто не заставлял его делать это, но этюды у воды были неотъемлемой частью жизни этого человека на протяжении последних тридцати лет.

Уже несколько дней, через заросли зеленых ив, за ним наблюдал незнакомец: седовласый уса́тый мужчина европейской внешности, лет шестидесяти. Мужчина был суховат, в его одежде и поведении угадывалась прежняя военная выправка и южная закалка. На третий день наблюдений он осторожно подошел к художнику и завел дружеский разговор.

– Здравствуйте! Сегодня ветрено. Такая рябь по воде. Мне даже пришлось поднять воротник плаща.

Седовласый учтиво наклонился над этюдом, пытаясь уловить в наивной картинке проблески настоящего шедевра, но, похоже, что ему это не удалось.

– Добрый день... Рябь есть, но с ней интересней писать. Что вы делаете, аккуратней... Измажетесь в краске... – не поворачиваясь, ответил Серж и лениво добавил: – Когда кто-то сует свой длинный и любопытный нос в чужие этюды, финал всегда одинаков.

– Я буду осторожен, господин строгий художник.

– Однако, впрочем, это ваша забота, – проворчал живописец.

– Как ваш пленэр, удастся?..

– Да, пожалуй, сегодня ничего...

Серж повернулся, и вяло поглядел на навязчивого человека. Потом решил громко ответить, думая, что старик просто уйдет.

– Пленэр! Это ведь как рыбалка, не клев, так отдых и здоровье, румянец на лице. Он почти всегда удается... Удастся?.. Да никогда, уже много лет! А если быть честным, просто чертова мазня! Мы в состоянии тихого помешательства! Вечный поиск гения внутри своей черепной коробки, который не прекращается ни на минуту!

Мракобесие, выброшенное на белое полотно с одной только задачей замазать его грязью и потом найти очертания, линии, образы, которые были бы кому-нибудь интересны! Может быть вам это интересно? – закричал неистово Серж и округлил покрасневшие от пыли глаза. – Смотрите! Что вы видите?! В воде, словно очертания женщин или русалок! Их там нет! Но на картине они появились! Зачем, я их не изображал! Скрытые символы, бесценные полотна... Этот этюд прекрасен. Я вам не отдам его ни за какие деньги. Ваши деньги ничто, их печатают для удовлетворения низменных потребностей, таких как вы! А она живая... Хрен вам, видали? Мокрая, живая картина, она зародыш будущего произведения живописи! Может быть мне понадобится еще сделать десяток этюдов на этом месте, прежде чем я буду удовлетворен...

Отвратительный монолог художника показался седовласому усачу чем-то средним между паранойей и буйным помешательством непризнанного гения, учитывая тот факт, что гость не понимал часть быстро выговариваемых бранных выражений и умозаключений этого русского гения словесности и кисти.

– Кто знает кроме самого автора, удался ему новый этюд или нет? – продолжал кричать Серж, вытирая кисти грязной ветошью и бросая их в деревянный ящик, словно в бездну. – Кому это по большому счету надо! Вам?.. Нет! Ему или ей, этой парочке, пожирающих шашлык и запивающих водкой мертвое мясо на железной палке, тоже нет. Этюды, зарисовки, рисунки, картины в золотых рамах, черт бы их побрал! Мазать краской по старой фанерной дощечке на свежем воздухе, не безумие ли это? Я вас спрашиваю, уважаемый ценитель прекрасного!

– Не знаю, я как-то не думал...

– Не думали? Вот и хорошо, что не думали! Вам это не пригодится! Адольф – этот маньяк – приказал уничтожить тысячи холстов авангардистов и импрессионистов в кострах третьего рейха! Безумцы, они хотели уничтожить бессмертные полотна мировых художников! У них ничего не вышло, великие картины невозможно удавить или задушить в газовых камерах, потому что это идеи! А идея – это есть эфир – Бог, можно так сказать! Те художники только

поднялись в цене... Ха, Адольф сам мечтал стать одним из них, но стал диктатором! Потому что, чтобы стать и быть художником, надо любить весь мир, а он ненавидел людей и весь мир...

– Вы правы, уважаемый живописец, – осторожно произнес любитель живописи.

– Американцы приютили у себя многих нацистов! – неистово продолжал художник. – Спрятали в США тысячи разыскиваемых картин! Ублюдки! Демократы, поправшие права индейцев! Сколько они вырезали?..

От этой фразы седовласый поморщился, но интерес его не угасал. Он продолжал заворуженно слушать художника «Красное ухо».

– Те маленькие секунды счастья, когда художник погружается в придуманную им самим эйфорию, как наркоман погружается в идею всеобщего благоденствия и счастья, как полутораметровый сом погружается в ил любимого им с детства болота, не зная, что где-то рядом на опушке уже стоит чертов экскаватор и ждет приказа засыпать это болото песком и галькой! И все, нет выхода, смерть в болоте! Мир рушиться для сома и его сородичей в мутной воде! А кого это волнует? Меня?.. Может того обормота, который сидит за рычагами железного монстра и выполняет свою работу? Нет! Он и не догадывается о жизни этого сома и еще сотни ему подобных! Ха, в этом все человечество! Оно рисует красивые этюды и фальшиво восхищается ими, развешивая их на своих серых стенах. Впрочем, меня очень волнует жизнь сома, я бы хотел приказать рабочему не засыпать болото, предполагая, что именно в нем живут золотистые караси, карпы, и сомы, прекрасные жабы и лягушки! Меня это очень волнует... Я сумасшедший лирик! А вы любитель живописи?.. Вас это волнует?.. Вы явно иностранец. Какой я вам господин, смешно... – Серж, наконец, сузил свои глаза и засмеялся в рыжие запущенные усы.

– Вы знаете, наверное, каждый мужчина после сорока становится любителем живописи. Тянет, наверное, на застывшее совершенство. Вы ведь Серж, живописец «Красное ухо»?

– Да! Это я! Приятно, когда тебя еще узнает кто-то, кому не безразлично искусство. Читали обо мне? В журнале или местной газете?

– Немного читал, да. В газетах, – сбивчиво ответил незнакомец. – А что это было? Вы прочитали такой неистовый монолог воинствующего защитника живой природы!

– Не обращайтесь внимания, я так мыслю вслух, чтобы не орать дома. Вы читали обо мне в газетах? Впрочем, о застывшем, здесь я хотел бы поспорить с вами! Я импрессионист, а наш брат он всегда пытался и пытается разрушить статические образы. Мы пишем ветер, бурю, мы разрушаем неподвижность этого мира, оживляем его в своих картинах, пишем волнуемое море, стихию. Картины импрессионистов интересны всем, во всяком случае, так хотелось бы мне думать...

– Bravo! Вы очень красноречивы, Серж! Я обязательно почитаю на досуге о импрессионистах... Станный у вас псевдоним.

– Да, куда теперь без него. Кстати, в газетах про меня уже давно не писали. И еще, скажу откровенно, между нами, сегодняшний этюд не удался, скорее всего, завтра я положу на него новый слой краски. Все начну заново! Видите, на другом берегу круглые как шары кроны ив?..

– Да, очень красивые деревья, – согласился седовласый.

– Вот, завтра я пойду на тот берег и буду писать именно эти зеленые шары на черных лапах-стволах! Точно, должен получиться шедевр! – обрадовался, словно безумный, Серж.

– Виноват, я слегка солгал, я нашел вас через интернет, – извинился незнакомец.

– Но я там сам не сижу, жена размещает обо мне новости. Помогает, рекламирует мое творчество.

– Жена знает это лучше, да? – рассмеялся незнакомец.

– Конечно! А псевдоним, да, мне нравится. Это легкий намек на ухо Ван-Гога. Кто его знает, почему он отрезал себе одно ухо? Я склоняюсь к версии, что ухо ему оттяпал его закадычный дружок – Поль Гоген. Он любил помахать рапирой, вот и срезал по неосторожности ухо бедному Винсенту. История, по моему мнению, быто-